

ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ ДЕТЕКТИВ

ТЕОДОРА
ГОСС

СТРАННАЯ
ИСТОРИЯ
ДОЧЕРИ
АЛХИМИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г72

Theodora Goss

THE STRANGE CASE OF THE ALCHEMIST'S DAUGHTER

*Публикуется с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.*

Перевод с английского Анастасии Дубининой

Дизайн обложки Александра Шпакова

Госс, Теодора.

Г72 Странная история дочери алхимика / Теодора Госс ; пер.
с англ. А. Дубининой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
448 с. — (Очень странный детектив).

ISBN 978-5-17-109395-2

Юная леди Мэри Джекилл, оставшаяся круглой сиротой после смерти матери, была готова мужественно владеть полунищенское существование. Однако на встрече с семейным адвокатом Мэри с удивлением узнает, что ее мать ежемесячно перечисляла внушительные суммы в приют для бедных девиц. Заинтригованная, Мэри едет туда и встречается с 14-летней Дианой Хайд, утверждающей, что они с Мэри — сестры. Именно так начинается история дамского клуба «Афина», невероятных приключений и расследования преступлений тайного общества алхимиков. А помогать мисс Джекилл в этом нелегком деле будут мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Впрочем, Мэри поможет знаменитому детективу распутать серию кровавых убийств в Уайтчепеле и выйти на след Джека-потрошителя.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2017 by Theodora Goss

© А. Дубинина, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-109395-2

Здесь обитают чудовища.

* * *

Мэри: — Не думаю, что это подходящий эпиграф для книги.

Кэтрин: — Тогда сама ее и пиши. Честно, просто не знаю, зачем я на это согласилась.

Мэри: — Потому что нам нужны деньги.

Кэтрин: — Как обычно.

Глава I

ДЕВУШКА В ЗЕРКАЛЕ

Мэри Джекилл смотрела в открытую могилу, куда опускали гроб ее матери.

“Я есмь воскресение и жизнь, говорит Господь”.

Снова начался дождь. Вернее, не дождь, а пробирающая до костей слякотная морось, означавшая лондонскую весну.

— Раскройте зонтик, моя милая, иначе промокнете, — сказала миссис Пул.

Мэри послушно раскрыла зонтик, хотя ей было все равно, промокнет она или нет. Вот они все стоят, собравшись вокруг прямоугольной ямы в земле серого кладбища Сент-Мэрилебон. Преподобный Уиттейкер читает молитвы по требнику. Сиделка Адамс выглядит мрачно — а разве когда-либо было иначе? Кухарка вытирает нос платочком. Энид, горничная, всхлипывает, уткнувшись Джозефу в плечо. Той частью разума, которая отвечала за оплату счетов и обсуждение хозяйства с миссис Пул, Мэри подумала, что надо бы поговорить с Энид — не слишком ли вольно та ведет себя с лакеем? Элис, судомойка, держится за руку миссис Пул. Сама экономка стоит с бледным и торжественным лицом — впрочем, опять-таки, это ее обычное выражение.

«Блаженны усопшие во Господе, ибо, говорит Дух, обретут они отдых от трудов своих».

На дне прямоугольной ямы стоял гроб, а в гробу лежала ее мать, одетая в голубое шелковое платье — свадебное, подобранное некогда под цвет ее глаз, теперь навеки закрытых. Одевая покойницу, Мэри и миссис Пул осознали, как она исхудала за последние несколько недель, совсем высохла. Мэри собственноручно расчесала седые волосы матери, все еще пронизанные нитями золота, и прикрыла прядями ее худые плечи.

«Ибо сие рек Ты при сотворении моем, говоря: прах ты, человек, и в прах возвратишься. Все мы возвращаемся во прах; но и во гробе мы будем воспевать — Аллилуйя».

— Аллилуйя, — отозвался нестройный хор, состоявший из миссис Пул, сиделки Адамс, кухарки, Джозефа и Элис. Энид продолжала всхлипывать.

— Аллилуйя, — с секундным опозданием произнесла Мэри, выбившись из общего ритма.

Она протянула зонтик миссис Пул, сняла перчатки и встала на колени у края могилы. Набрала в ладонь горсть земли и бросила ее на крышку гроба. Слышно было, как комочки дерна застучали по дереву — немногим громче, чем капли дождя. Сегодня пополудни могильщик насыпет над гробом аккуратный холм — так могила и останется до того дня, когда привезут надгробный камень с надписью *«Эрнестина Джекилл, любимая супруга и мать»*.

По крайней мере наполовину это правда.

Мэри не торопилась подняться с колен, хотя влага постепенно просачивалась ей сквозь подол платья и глубже, сквозь чулки. Наконец она встала и забрала у экономки свой зонтик.

— Миссис Пул, будьте добры, отведите всех обратно в дом. Мне нужно расплатиться с преподобным Уиттейкером.

— Да, мисс, — отозвалась миссис Пул. — Хотя не хотелось бы оставлять вас одну...

— Пожалуйста. Я уверена, Элис уже проголодалась. Обещаю, что совсем скоро к вам присоединюсь.

Сейчас она пойдет в церковь вслед за преподобным Уиттейкером и внесет пожертвование в реставрационный фонд прихода Сент-Мэрилебон. Но до этого ей хотелось провести несколько мгновений наедине с матерью. С тем, что осталось от Эрнестины Джекилл, запертой в деревянном ящике, о крышку которого стучали капли дождя.

Мэри: — А обязательно начинать со сцены похорон? Может, лучше с чего-нибудь другого? Я-то думала, ты сразу перенесешь читателя в гущу событий, так сказать, *in medias res*.

Прежде чем Мэри успела остановить ее, Диана нагнулась над трупом Молли Кин, пачкая в крови носки ботинок и край платья. Низко склонившись над убитой, она разжала ее законченную руку и вытащила то, что девушка зажимала в кулаке: металлическую пуговицу.

— Диана! — воскликнула Мэри.

Мэри: — По-твоему, это *in medias res*? Никто же ничего не поймет, если у книги будет такое начало.

Кэтрин: — Тогда перестань наконец учить меня писать.

Не было смысла долго стоять здесь в бездействии. Тем более что Мэри сегодня ждало множество дел. Она взглянула на часы — уже почти полдень. Развернувшись, девушка прошла под серой аркой кладбищенских ворот и вошла в ризницу Сент-Мэрилебонской церкви, где ее ожидал преподобный. Целых десять фунтов в реставрационный фонд... Но, в конце концов, она же — мисс Джекилл, которую крестили и конфирмовали в этом приходе. Ей не положено жертвовать меньше.

Из тишины храма она вышла на шумную Мэрилебон-роуд, полную экипажей, и двуколок, и уличных торговцев,

громко расхваливавших свой товар по обе стороны улицы. Хотя это было не по пути, она сделала небольшой крюк через Риджентс-парк. Обычно прогулка по парку придавала ей душевных сил, но сегодня даже розы, едва начавшие расцветать, клонили головы под тяжестью дождевой влаги, даже утки в пруду, казалось, были не в духе. К тому времени, когда Мэри дошла до респектабельного и солидного кирпичного здания — дома номер 11 по Парк-Террейс, где она прожила всю жизнь, — она окончательно устала и промокла, невзирая на зонтик.

Мэри сама открыла дверь — что, несомненно, должно было расстроить миссис Пул, — поставила зонтик в стойку и остановилась перед зеркалом в прихожей, чтобы снять шляпку. Увидев собственное отражение, она на миг замерла, словно зачарованная этим зрелищем.

Лицо, смотревшее на нее с той стороны зеркального стекла, было бледным, с темными кругами под глазами. Даже волосы Мэри, обычно средне-русого цвета, этим утром словно бы побледнели, выпцвели на неярком свете, проникавшем сквозь узкие окошки по сторонам от входной двери. Она походила на покойницу.

Я нарочно остановилась на том, как Мэри рассматривает себя в зеркале, потому что это — история о чудовищах. А все такие истории обязательно должны включать сцену, когда чудовище видит свое отражение. Помните чудовище Франкенштейна, пораженное собственным отражением в лесном озере? Тот самый момент, когда он осознает свое уродство.

Мэри: — Я никакое не чудовище, а помянутая книга — одно сплошное вранье. Окажись здесь миссис Шелли, я бы дала ей пощечину за все проблемы, которые она породила.

Диана: — Я бы на это с удовольствием посмотрела!

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила Мэри у девушки в зеркале.

— Только не начинайте разговаривать с собой, мисс, — сказала миссис Пул у нее за спиной. Мэри вздрогнула и обернулась. — Это слишком напоминает мне о вашей бедной матушке. Как она расхаживала взад-вперед по своей спальне, пока не протерла ковер почти до дыр. И разговаривала невесть с кем.

— Не волнуйтесь, миссис Пул, — ответила Мэри. — Я не намерена сходить с ума — по крайней мере сегодня.

— Как вы только можете шутить такими вещами, просто не понимаю! Да еще и сразу после ее похорон, — эконожка неодобрительно покачала головой. — Не хотите выпить чашечку чаю? Я затопила в гостиной камин. Кухарка говорит, обед будет готов через полчаса. А еще тут вам письмо пришло, от мистера Геста. Я нашла его в почтовом ящике сразу по возвращении. Отнесла его вам на чайный столик.

Письмо от мистера Геста, поверенного матери. То есть теперь, очевидно, ее собственного поверенного — хотя Мэри сомневалась, что мистер Гест захочет заниматься ее делами. Со смертью матери все изменилось...

— Спасибо, миссис Пул. Можете пригласить всех в гостиную прямо сейчас? Да, и Элис тоже. И принесите, пожалуйста, — вы знаете что. Думаю, лучше покончить с этим как можно скорее.

— Как скажете, мисс, — с видимой неохотой отозвалась мисс Пул. Но Мэри больше ничего не оставалось. Разве что, если предположить, что в этом письме от мистера Геста... Вдруг в нем содержится какая-то информация, способная изменить обстоятельства?

Мэри прошла в гостиную, взяла с чайного столика письмо и вскрыла конверт — аккуратно, хотя и без помощи канцелярского ножа. Вдруг все-таки... Но нет. *«Прошу вас зайти ко мне в контору в ближайшее удобное для вас время. Нужно уладить кое-какие вопросы касательно финансовых дел вашей*

покойной матери». И больше ни слова. Мэри присела на кушетку и протянула руки к огню. Руки были бледными и тонкими, с проступившими голубыми жилами. Должно быть, она тоже потеряла много веса за последние несколько недель — от волнения и утомительных бессонных ночей, которые она просиживала у ложа умирающей, чтобы дать сиделке Адамс хоть немного поспать. Как бы ей хотелось прилечь прямо сейчас, хотя бы на минутку. Похороны дались ей... нелегко. Но нет, еще остались дела, которые требуется завершить как можно скорее. Нет смысла тянуть время.

— Вот и мы, мисс, — послышался голос сиделки Адамс. Она возглавляла своего рода процессию — как из какой-нибудь сказки: кухарка, за ней лакей, потом горничная, и в хвосте — бедная маленькая судомойка. Миссис Пул пустила их всех в гостиную и остановилась в дверях, скрестив руки на груди. Лицо ее было совершенно бесстрастным, что в ее случае выражало крайнюю степень неодобрения.

Итак, время пришло. У Мэри не было выбора, как бы ей сейчас ни было тяжело.

— Спасибо вам всем за присутствие на похоронах, — начала она. — А также за вашу... верность и преданную службу, особенно в течение последних недель. — Недель, когда миссис Джекилл отчаянно кричала, рвала на себе волосы, отказывалась от еды — и под конец металась в агонии... — Было бы прекрасно, если бы сейчас я пригласила вас только затем, чтобы выразить свою благодарность, но, увы, это отнюдь не все. Дела обстоят так, что я вынуждена распустить вас... всех до единого.

Кухарка сняла очки и начала их протирать. Энид всхлинула и снова заплакала, промокая глаза большим платком, который протянул ей Джозеф. Элис молчала и была похожа на испуганного кролика.

Как же все это было ужасно! Даже ужаснее, чем она заранее представляла. Но Мэри была вынуждена продолжать.

— Еще до смерти моей матери я встретила с мистером Гестом, ее поверенным, и он обрисовал мне мое финансовое положение. Кухарка может помнить — она ведь еще застала моего отца, — но не думаю, что кто-то еще из вас в курсе... Мой отец был состоятельным человеком, но когда четырнадцать лет назад он скончался, мы обнаружили, что его состояние бесследно пропало. Он продал свои ценные бумаги Банка Англии и перевел деньги на счет в Будапеште. Когда мистер Аттерсон, тогдашний его поверенный, связался с будапештским банком, ему сообщили, что доктор Джекилл не является владельцем счета, что банк вообще никогда не слышал ни о каком докторе Джекилле, а передавать информацию о ком-либо из своих клиентов третьим лицам не намерен в отсутствие ордера правительства Австро-Венгрии. Мистер Аттерсон попытался добиться выдачи ему ордера, но тщетно — правительство Австро-Венгрии не собиралось делать лишних движений из-за какой-то вдовы с ребенком из далекого Лондона. Мне тогда было всего семь, так что я почти ничего этого не помню. Но когда я подросла, а моя матушка практически лишилась... способности управлять своими финансами, мистер Аттерсон объяснил мне ситуацию. У матушки имелся небольшой доход, оставшийся от ее отца, и этого было достаточно, чтобы поддерживать наше скромное комфортное существование.

Не было нужды объяснять им степень этой скромности. Без сомнения, мимо них не проходили незамеченными ее усилия по поддержанию хозяйства на плаву, хотя она и пыталась заботиться о том, чтобы все было хорошо накормлены и устроены. Чтобы по воскресеньям на столе было мясо, чтобы в подвале не иссякали запасы угля. Но слуги наверняка замечали, что с полок библиотеки исчезают книги, что столовое серебро сменяют дешевые приборы. За эти годы Мэри распродала все фарфоровые статуэтки и бронзовые часы, и все серебро в доме, в том числе канделябр, который подарил ее матери на свадьбу архиепископ Йоркский. На стенах виднелись контуры тяжелых рам в тех ме-

стах, где когда-то висели картины. Как-то Энид при ней выражала свою радость, что в доме осталось так мало собирающих пыль статуэток, которые нужно протирать, но тут же, опомнившись, воскликнула: «Простите, мисс!» — и поспешила на кухню. Дохода матери едва хватало, чтобы покрыть хозяйственные расходы, а также оплатить ее лекарства и услуги сиделки Адамс.

— Но эти деньги составляли всего лишь пожизненный доход. После смерти матушки выплаты прекратились. Ко мне они не переходят.

Несколько секунд стояла тишина, прерываемая только треском огня в камине.

— Выходит, вас постигла жизненная катастрофа, мисс? — нарушила молчание Энид, баловавшая себя чтением бульварных романов.

— Ну, пожалуй, можно сказать и так, — ответила Мэри. Что за дурацкое выражение! Хотя это довольно точное описание ее случая. То, что ее постигло, вполне подходило под описание жизненной катастрофы. Дедушка, умерший несколько лет назад, и представить бы не мог, что из-за формулировок в его завещании его внука окажется на грани нищеты. Дед был ее последним родственником — больше ей не к кому было обратиться за помощью. Значит, так и есть. Жизненная катастрофа — не самое плохое описание ситуации.

Беатриче: — Законы этой страны, касающиеся наследования собственности женщинами, просто варварские. Почему родственникам мужского пола можно напрямую завещать свое состояние, а женщинам — только этот несчастный пожизненный доход? А что, если женщину оставит муж — такое ведь то и дело случается! Или же муж переведет свое состояние на какой-нибудь непонятный счет в Будапеште? Кто тогда позаботится о его детях?

Диана: — Черт побери, она оседала своего конька. Если позволите ей продолжать, конца истории нам не дождаться.

— Миссис Пул, будьте любезны, подайте мне конверты, — попросила Мэри. Конверты хранились у экономки в комнате со вчерашнего вечера, когда Мэри вернулась из банка, сняв со счета... ей не хотелось думать, сколько именно. Миссис Пул вытащила конверты из кармана фартука и подала их хозяйке. — Здесь каждый из вас найдет свое двухнедельное жалование и рекомендательное письмо. Вы не обязаны оставаться здесь еще на две недели — как только найдете другое место, смею надеяться, более удачное, вы свободны оставить этот дом с моим благословением. Очень сожалею, что вынуждена так поступить.

Закончив речь, Мэри села и молча смотрела на них, не зная, что еще сказать.

— Ну, что касается меня, — первой нарушила молчание сиделка Адамс, — признаюсь, мисс Джекилл, новость не застала меня врасплох. Я знала, чего нам следует ждать в скором времени, с того самого дня, когда ваша матушка начала шептать про лицо в окне. Обычное дело, уж простите за прямоту, — когда больной начинает видеть то, чего нет, значит, конец близок. Я подумала, что бедняжке вряд ли осталось больше месяца, и была, как видите, права. У меня хорошее чутье на подобные вещи! Так что я сразу связалась со своим агентством, и они мне подыскали местечко — компаньонкой к пожилому джентльмену, сопровождать его по курортам Германии. Так что уже завтра я отбываю на новое место, если вам, как вы сказали, это все равно.

— Да, конечно,, — отозвалась Мэри. — И спасибо вам большое за все. Последние несколько недель дались вам тяжело, я знаю. — Что бы она вообще делала без сиделки Адамс? Они с миссис Пул ни за что бы не справились, когда мать начала кричать и биться в истерике, утверждая, что видела ужасное лицо, бледное лицо... Даже в самые последние дни, когда миссис Джекилл уже была слишком слаба, чтобы вставать с постели, она продолжала всхлипывать об этом лице сквозь сон.